

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 1(33). С. 134—143.
Economic and Socio-Humanitarian Studies. 2022. 1(33). С. 134—143.

УДК 65.01 + 336
doi:10.24151/2409-1073-2022-1-134-143

Эвристическая ценность идей Низами Гянджеви

Низами Мустафа оглы Мамедов

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

nizami-mamedov@mail.ru

Аннотация: Показывается эвристическая ценность идей великого азербайджанского поэта XII века Низами Гянджеви при осмыслении таких вопросов, как доверие, гуманизм, справедливость, смысл любви, отношение к окружающей среде, мультикультурализм, отраженных в известных поэмах «Хамса»¹. Идеи Низами Гянджеви во многом созвучны с современными представлениями о сущности общечеловеческих вопросов и способны ориентировать на определенное позитивное их рассмотрение.

Ключевые слова: гуманизм, социальная утопия, смысл любви, разнообразие культур, мультикультурализм, устойчивое развитие.

Для цитирования: Мамедов Н. М. Эвристическая ценность идей Низами Гянджеви // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. №1(33). С. 134—143. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-1-134-143>

The heuristic value of Nizami Ganjavi's ideas

Nizami Mustafa oglu Mamedov

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

nizami-mamedov@mail.ru

Abstract: The heuristic value of the ideas of the great Azerbaijani poet of the 12th century Nizami Ganjavi is shown when comprehending such issues as trust, humanism, justice, the meaning of love, attitude towards the environment, multiculturalism, reflected in his famous five poems «Khamsa». The ideas of Nizami Ganjavi are in many ways consonant with modern ideas about the essence of universal human issues and are able to orient towards a certain positive consideration them.

Key words: humanism, social utopia, meaning of love, cultural diversity, multiculturalism, sustainable development.

For citation: Mamedov N.M. The heuristic value of Nizami Ganjavi's ideas // Economic and Socio-Humanitarian Studies. 2022. № 1(33). P. 134—143. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-1-134-143>

¹ Пять поэм Низами Гянджеви известны как «Хамсе».

*О юный друг! Вспомни обо мне, ...
Слезу урони на обитель мою,
А я тебе — свет несказанный пролью...
И сможешь свершить ты благое дело свое.*
Низами Гянджеви

Низами Гянджеви — признанный корифей мировой культуры, преодолевший отведенное ему судьбой время и вошедший в вечность. Вызывает восхищение, что многие идеи Низами Гянджеви не только отражают его эпоху, но и ориентированы на будущее. Произведения великого поэта-мыслителя, с одной стороны, дают представление о духовном и интеллектуальном уровне общества, в котором он жил, с другой — ставят вневременные проблемы, отражающие смыслы человеческого существования, красоты и добра. Мысли Низами, изящно поэтически обрамленные, заняли достойное место в царстве великих идей. К ним явно или неявно обращались всегда, они придавали людям уверенность, надежду и словно «нить Ариадны» вели их сквозь темные периоды истории к свету.

Вневременная эвристическая ценность идей Низами определяется их высокой потенциальной мудростью. Они не ограничены знаниями своего времени, не скованы догматами веры, пронизывающая их мудрость высвечивает сложные проблемы современности, определяет возможные пути их решения.

Мудрость как качество человеческой психики остается неоднозначным, во многих отношениях неопределенным феноменом. Не случайно в античной культуре мудрость представлялась в образах богинь Афины и Минервы. Теологи придерживаются мнения, что человек способен лишь приблизиться к мудрости, поскольку она может быть присуща только Богу.

Философия, между тем, изначально была ориентирована на осмысление сущности и возможности мудрости. Гераклит Эфесский отличал мудрость от эрудиции и подчеркивал, что «многознание уму не на-

учает». Из трудов Низами следует, что знание есть необходимое, но недостаточное условие для проявления мудрости.

Идеалом познания считается отображение объектов во взаимной связи, в развитии. Мудрость же претендует на предвидение результатов развития, последствий принимаемых решений. Предвидя перспективы, человек пытается формировать благоприятное будущее, создает предпосылки управления им. Примечательно, что символом мудрости в античности была птица сова, поскольку она способна видеть в темноте, когда никто не видит.

Мысли Низами о сущности человека, любви, гуманизме, доверии, справедливости, должном нравственном облике правителя, социальной гармонии, бережном отношении к живой природе не потеряли своего значения и сегодня. Прошлое, явно или неявно, проявляется в настоящем, на этом основывается преемственность в культуре. Английский этнограф Э.Б. Тайлор считал, что необходимо показать, в «какой мере представления и поступки современных людей опираются на прочную основу сегодняшних знаний, а в какой мере они являются продуктом знаний, которые возникли на ранних стадиях развития культуры» [2, с. 502]. С былыми временами нас связывают язык, традиции, архетипы и многое другое. Как подчеркивает профессор З.М. Оруджев, «прошлое — это не то, что “пришло и исчезло” <...> сохранившись лишь в памяти историка или вообще в коллективной памяти, а то, что продолжает существовать в иной форме и действовать. Прошлое продолжает реально взаимодействовать с человеком... в качестве определяющей, решающей части настоящего» [3, с. 10].

В прошлом есть опередившие свое время фундаментальные идеи, мировоззренческие установки, которые проявляются в ходе истории, выполняют эвристические, методологические функции в познавательной и преобразовательной деятельности человека. В этом отношении заслуживает внимания, например, атомистическая теория Левкиппа и Демокрита, доктрина Пифагора, что «все сущее есть число», антропологический тезис Протагора, этика Сократа, учение о свободе воли Пелагия². Именно в этом ряду следует рассматривать и значение творчества Низами Гянджеви.

Низами объединил доисламский и исламский духовные миры. Его глубокие знания древнегреческой философии, свободное обращение в произведениях к античной культуре, поиски в античных трудах ответов на многие мировоззренческие, этические, эстетические вопросы, их сопоставление с исламскими ценностями, установками позволяют считать Низами предвестником эпохи европейского Возрождения.

Низами Гянджеви в свое время был одним из немногих, кто уверовал в особую созидательную миссию человека. Для него было очевидным: осознание человеком самого себя, своих возможностей, понимание глубинного смысла любви, поддержание доверия между людьми — спасут мир, а развитие общественного устройства на основе гуманистически ориентированного разума, веры в возможность царства добра и справедливости позволит преодолеть любые проблемы и создать счастливое общество.

Поэтому его пять непревзойденных поэм «Хамсе» снискали огромную славу. Мировоззренческие взгляды Низами, его художественные методы на протяжении многих веков оказывали воздействие на философов и поэтов стран Ближнего и Среднего Востока. В числе его последователей были такие великие поэты, как Джамии, Навои, Руми, Саади, Хафиз, Физули и многие другие. Именно их трудами, более доступными европейскому читателю, было опосредовано влияние Низами на культурные процессы на Западе.

Как показал А. Е. Крымский, в европейском востоковедении представление о Низами, его трудах было недостаточным вплоть до первой четверти XIX века. Европейские путешественники, посетившие Иран в XV — XVII веках, упоминали в своих записках в основном Джамии, Саади и Хафиза, которые жили после Низами. Только в конце XVII века в работе француза д'Эрбло «Восточная библиотека» были представлены первые сведения о Низами Гянджеви. Несколько подробнее о Низами было сказано в книге Джона Малькольма «История Персии», изданной в Англии в 1815 г. Наконец, в 1818 г. вышла книга австрийского востоковеда Йозефа фон Хаммера «История персидской изящной словесности», в которой достаточно полная информация о Низами и приведены на немецком языке несколько фрагментов из произведений поэта. На основе данного издания Гете оценил поэзию Низами «как нежный, высокоодаренный дух» [4, с. 32—40].

² Отметим, что атомизм в Новое время стал основой классической науки; проникнуть в тайны микро- и мегамира оказалось возможным благодаря математическим структурам. В контексте знаменитого тезиса Протагора: «Человек — есть мера всех вещей существующих, что они существуют, и не существующих, что они не существуют», высвечивается глубина идей И. Канта о том, что смысл познания — в попытке ответить на вопрос: «Что такое человек?». С тезисом Протагора созвучен также сформулированный в 1973 году английским физиком Брэндоном Картером «антропный принцип». Согласно данному принципу, эволюция Вселенной, после «Большого взрыва», который произошел 14 млрд лет назад, шла в таком направлении, что должен был в итоге появиться человек. Другими словами, Вселенная должна была иметь свойства, позволяющие развиться разумной жизни. «Добродетель тождественна знанию», — считал Сократ. Эта мысль послужила основой просветительства во Франции в XVIII веке, последующих концепций социализации индивида. Утверждение Пелагия, что у человека помимо разума есть воля, позволяющая ему выйти за пределы природной необходимости и божественного предустановления, объяснила возможность культуры, «второй природы» техносферы.

Следует отметить, что путь к современной европейской культуре был не простым, общество прошло этап Возрождения (XIV — XV века), этап Реформации (XVI — XVII века) и этап Просвещения (XVII — XVIII века). И эти выдающиеся историко-культурные события в той или иной мере связаны с прямым или косвенным влиянием арабо-мусульманской культуры, что признается в мировой исторической, философской литературе.

Как показывают в своих работах Элизе Реклю, Уотт Монтомери, Николай Трубецкой [5; 6; 7] и другие ученые, вряд ли была бы возможна эпоха Возрождения без влияния разнообразных исламских и тюркских идей, изменивших духовный и интеллектуальный «климат» Европы. Жестокие догматические установки Средневековья «пошатнулись» сначала в Испании, благодаря влиянию ислама, затем эта волна перемен, несмотря на преграды, все же через пару столетий (после образования в Анатолии Османского государства) охватила Италию, потом Францию и Германию. Новые философские, научные знания, которые осваивали европейцы, благодаря культурному взаимодействию со странами Востока позволили сформировать гуманистическое мировоззрение, допускающее изменение социальной действительности в интересах человека.

О взаимоотношении религии и философии (науки). Низами Гянджеви ценил и религиозное, и философское, и научное познание. К пониманию значения этих разных средств объяснения мира, судя по всему, он пришел исходя из учения о «двойственности истины» Ибн Рушда (1126 - 1198г.г.). Суть данного учения в разведении философского (научного) и религиозного знаний как двух аспектов истины. Есть истина философии и есть истина религии, и они могут сосуществовать, если даже противоречат друг другу. Благодаря этому допущению (что, по существу, является аналогом принципа дополнительности Нильса Бора), относительно свободно развивались философия и наука в арабо-

мусульманской культуре в Средние века — в отличие от Европы, где религиозная идеология монополизировала всю духовную и интеллектуальную жизнь.

Интересно, что в XVIII веке М. В. Ломоносов ставил вопрос о соотношении религии и науки, объявив их «двумя сестрами родными», «дочерьми одного всевышнего родителя». Он писал: «Природа и вера суть две сестры родные, и никогда не могут прийти в распрю между собою. Создатель дал роду человеческому две книги: в одной показал свое величество, в другой свою волю» [8].

В творениях Низами нет и намека на религиозный фанатизм, но есть чувственная характеристика безграничной силы божественной любви, которую испытывает каждый верующий человек. Конечная цель жизни всех людей, по его мнению, это — приближение к Богу.

Бог вечен и неизменчив, в то время как человек и другие твари не вечны и подлежат исчезновению: *В мире не было нас, ты же был изначально вечным, / Уничтожены мы, ты же в вечности жив бесконечно.../ Речь назрела у нас, своего мы стыдимся усердия, / За не зрелось ее да простит нас твое милосердие!* [1, Т. 1: Сокровищница тайн, с. 155].

Исторически в европейской культуре абсолютизировались: в Античности — философия, в Средние века — религия, в Новое время — наука. Это проявлялось в способе мышления эпохи [3], особенностях познания и деятельности людей. Например, способ мышления средневековья определялся категорией Бога. Любой вопрос безоговорочно решался ссылкой на Бога. В Новое время, под влиянием развития науки, доминирующей стала категория эволюции. Достаточно упомянуть космологическую теорию И. Канта, работы Ж. Б. Ламарка и Ч. Дарвина в биологии, концепции эволюции общества Ж. Кондорсе, О. Конта, К. Маркса.

Многие проблемы современного мира связаны с процессами глобализации. Происходит переплетение социальных, экономических,

политических, духовных, культурных факторов развития, что, с одной стороны, подтверждает единство мира, единство человечества, с другой — создает принципиально новую форму социальной действительности, требующую качественно нового подхода. Соответственно, методологической основой решения многих проблем нашего времени становится глобальный способ мышления. Более того, стало очевидным, что во многих отношениях неоднозначные, глобальные проблемы можно решать в сотрудничестве с религией.

Доверие как показатель состояния общества. Низами Гянджеви в поэме «Сокровищница тайн» обращает внимание на то, что в обществе уменьшается доверие людей друг к другу: *Где же теперь человечность? Ужель удалась навек? / Человека любого страшится любой человек./ Где ж познание то, что в сердцах человечьих блистало?/ Человеческих свойств в человеке давно уж не стало* [1, Т. 1: Сокровищница тайн, с. 259].

Поэт видит причину разобщенности в неумелом управлении обществом, порождающем отчуждение. Такое общество, как он оправданно считает, не имеет будущего.

Сложные перипетии доверия и любви Низами показывает в поэме «Хосров и Ширин». Рядом с прекрасной Ширин, безгранично верной своей любви, и простым каменотесом Фархадом, олицетворяющим высокую нравственность, разворачивается образ эгоистичного, непостоянного в любви шаха Хосрова, которому нет особого доверия. Драма заключается в том, что Ширин самоотверженно любит Хосрова, а Фархад — Ширин. В поэме показывается постепенная эволюция человеческих качеств Хосрова, который в итоге возвышается до уровня трагического героя. Сложные взаимоотношения этих героев в поэме раскрываются на высоком художественном уровне и ведут к усилению мысли о взаимосвязях оснований доверия и чувств любви. Примечательно, что с благородными изменениями человеческих

качеств Хосрова-правителя Низами связывает возможное улучшение положения людей в его царстве.

В современном обществе от меры доверия зависит качество жизни, эффективность экономического развития, адекватность социального и государственного управления. Главными признаками доверия являются открытость, доброжелательность, готовность делиться информацией [9]. Все это после известных работ Пьера Бурдьё в 80-х годах прошлого столетия связывается с понятием социального капитала [10, с. 60—74], признанного важнейшим интегративным показателем развития коммуникативных связей в обществе. Это понятие со временем приобрело ценностную окраску, поскольку определяет нравственный климат, меру гуманности общества. Доверительное общество в некотором смысле можно представить как реализацию категорического императива Иммануила Канта: «...Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству» [11, с. 205].

При обсуждении категории доверия нельзя не вспомнить другого классика немецкой философии Людвиг Фейербаха. Согласно его антропологической философии, человек относится к себе как к Богу, когда он видит божественное в другом человеке [12]. Однако существует дистанция огромного размера — от нравственных требований, предъявляемых к обществу и личности, до их соответствия этим требованиям. В целом реализация этой возможности, как полагал Низами Гянджеви, требует значительных усилий. Доверие предполагает знание друг друга, определенное психологическое единство, общность целей, взаимопонимание: *Разве могут глаза в этом множестве друга найти? / Угадает лишь сердце, кто верность умеет блюсти... / Не стремись ты, как ветер, к дверям человека любого, / Не мирись ты, как воздух, с дыханьем любого дурного* [1, Т. 1:

Сокровищница тайн, с. 336]. *Все же иметь сотоварища всякому в жизни придется, / Не гони же того, кто с тобою дружить соберется* [1, Т. 1: Там же, с. 330]. *Если с добрым мы дружим, то добрый нам выпадет час; / И поможет нам друг, и все нужное будет у нас* [1, Т. 1: Там же, с. 258—259].

Куда несет нас рок событий? Низами был свидетелем бесчисленных войн, тяжелых социальных коллизий, пережил много трагедий.

В преамбуле поэмы «Хосров и Ширин» он писал: *Спеши, о Низами, а то минует срок — / Неверны времена и вероломен рок* [1, Т. 1: Хосров и Ширин, с. 375]. Поэт осознавал, что действительность сложна, последствия событий часто непредсказуемы: *Что ты тянешься к миру, к нему простираешь ты руки? / Не тобой он рожден, и рожден он для горькой разлуки... / В мир пришедший не может из мира души унести. / Ведь никто не узнал о безмерном, о тайном пути.* [1, Т. 1: Сокровищница тайн, с. 340]. В монументальной поэме «Искандер-наме» он подчеркивает: *Хоть светильник любой может радовать светом, / Дальний мир остается в туманы одетым* [1, Т. 3: Искандер-наме, с. 469].

Как видно, Низами пытается глубоко проникнуть в тайны бытия, понять подлинную суть вещей, явлений, обращает внимание на неоднозначную динамику происходящих событий. Известно, что многие мыслители предрекали человечеству беспросветное будущее. Они не сомневались в регрессивном развитии общества, в его движении от «Золотого века» к хаосу. Им казалось, что в основе социальной действительности лежит не разум, а какие-то иррациональные силы. Это утверждали, например, в XIX веке немецкие философы Артур Шопенгауэр и Фридрих Ницше.

На самом деле жизнь людей определяет *единство разума и воли*. Сейчас общепризнанно, что как деятельность отдельного человека определяется единством осознаваемых и неосознаваемых уровней психики, так и социальная деятельность определяется

сочетанием коллективного разума и коллективного бессознательного [13]. Другими словами, иррациональные действия неизменно уравновешиваются рациональными, разумными доводами и мерами. Однако это, конечно, не спасает от впечатления, что человечество «идет по острию ножа». Словно именно на это обращает внимание Низами в одной из Газелей: *Труден путь, и черен мир вокруг, не гони коня среди тумана. / Бытие вези в страну души, хоть на миг спасая от изъяна* [1, Т. 1: Труден путь, и черен мир вокруг..., с. 107].

Обобщенная трактовка гуманизма. До Низами Гянджеви Христианство и Ислам сочли равными людей перед Богом, а Буддизм — равноценность каждого человека. Низами религиозную идею равенства органично дополнил идеей справедливости. Впоследствии, в XV веке, эти идеи стали доминантой в европейском менталитете, составили основу концепции гуманизма.

Теоретики европейского гуманизма, в отличие от Низами Гянджеви, абсолютизировали желания и действия индивида, который должен был стремиться к самореализации посредством неограниченной преобразующей деятельности. Такая трактовка гуманизма вывела человека из природы и поставила его над нею, как того, кто может (а значит, имеет право) ее преобразовать и устроить по-своему (по человеческому) образу и подобию. Это имело как позитивные, так и непредвиденные, негативные социально-экологические последствия. Абсолютизация индивидуализма привела к торжеству агрессивно-потребительских ценностей, усилила социально-экономическое расслоение и насилие в обществе. Жан-Поль Сартр писал, что когда под гуманизмом понимают теорию, которая «рассматривает человека как цель и высшую ценность», то это в итоге приводит к индивидуализму и фашизму.

Неслучайно в 2010 г. ЮНЕСКО объявила о необходимости обоснования и формирования «нового гуманизма» [14]. Спасти

замысел гуманизма может идея ненасилия — как по отношению к человеку, так и к природе. Предшествующие формы гуманизма были несовершенны, поскольку в них *ненасилие* не стало абсолютom, всесторонним системообразующим фактором. И вот что удивительно: представления Низами Гянджеви о человеке, его миссии на Земле, соответствуют положениям Нового гуманизма. В поэме «Лейли и Меджнун», с одной стороны, следует призыв достичь величия, познав с помощью наук мир и себя, с другой стороны, рекомендуется «не преступать черту», а именно соблюдать законы природы, мироздания, нравственные каноны. Особый смысл имеет в поэме сопоставление человеческого общества популяции зверей, изображение их преданности и верности. По существу, здесь на основе метафорических смыслообразов удалось обобщить принципы гуманизма, это то, что в XX веке Альберт Швейцер реализовал в своей биоэтической теории.

Сейчас бережное отношение к растительному и животному миру, воспитание любви к природе становится одной из важнейших задач в нравственном воспитании индивида. Речь идет вовсе не о возрождении анимистических чувств, а об осознании необходимости для человека (как для его физического существования, так и для духовного обогащения) окружающей флоры и фауны и соблюдении обоснованной меры в преобразовании природы.

Смысл и значение любви. Тема любви является лейтмотивом творчества Низами Гянджеви. Уже в первой своей поэме «Сокровищница тайн» Низами выражает мысль о том, что любовь является первопричиной бытия: *До поры, как любовь не явила дыханье свое, / В бездне небытия не могло засиять бытие* [1, Т. 1: Сокровищница тайн, с. 243]. В поэме «Хосров и Ширин» он возвращается к мысли об особой созидательной миссии любви: *О смертный, разум свой к раздумью призови, / И ты постигнешь: мир воздвигнут*

на любви. / Когда на небесах любви возникла сила, / Она для бытия нам землю сотворила [1, Т. 1: Хосров и Ширин, с. 375].

Мотив первопричины бытия у Низами расширяется, любовь приобретает особую созидательную миссию: *Нет, без любви ничьи не прорастают зерна. / Лишь в доме любящих спокойно и просторно. / Без пламени любви, что все живые чтут, / Не плачут облака и розы не цветут* [1, Т. 1: Хосров и Ширин, с. 379].

Идеи Низами о смысле и значении любви для гармоничного развития личности и общества опередили самые благородные феминистические теории: *Порой любовь — беспечная игра, / Вмиг промелькнет, как юности пора. / Но есть любовь — залог предвечных благ. / Влюбленных не отпустит ни на шаг. / Не превозмочь ее, не одолеть, / Она в бессмертье простирает ветвь* [1, Т. 2: Лейли и Меджнун, с. 86].

Трагическое влияние внешних, социальных факторов на взаимную любовь показывает сюжет поэмы «Лейли и Меджнун». В поэме возвышенная, светлая любовь в условиях жестоких, несправедливых архаических отношений приводит возлюбленных к гибели.

Низами пытается решить дилемму между любовью и разумом, между этими, казалось бы, несовместимыми проявлениями человеческого сознания. Разум символизирует мудрость, интеллект, он холоден и расчетлив. Любовь — совокупность эмоций, интимных чувств, симпатий человека, она неподвластна разуму, это охватывающее душу озарение. Поэт, однако, убежден, что возможна и необходима гармония между разумом и чувством любви, это может определить горизонты целомудрия и меру нравственной чистоты. Любовь — величайшее преимущество человека, считает Низами, возвышающее его, наряду с разумом, над всеми Творениями Бога. Можно сказать, что в трактовке Низами любовь есть явление почти космическое, она существует вечно, не поддается бегу времени, не поглощается пространством. Это

таинственная, безграничная сила, позволяющая человеку преодолеть любые препятствия, возникающие на его жизненном пути. Влюбленный — не индивид, потерявший рассудок, а человек, мотивированный к высоким свершениям. Вряд ли согласился бы Низами с пониманием любви, заявленным ныне Всемирной организацией здравоохранения, что любовь — «это болезнь, психическое расстройство».

Ценность многообразия культур. Низами Гянджеви не делил народы на развитые или неразвитые и их культуры на лучшую или худшую. Ему были интересны все самобытные традиции, все образы жизни. Ценность многообразия культур для Низами была очевидным фактом. Он понимал, что отрицание значения диалога культур может быть одной из причин, порождающих этнические конфликты и войны.

О сохранении культурного многообразия и значении для будущего человечества этой задачи свидетельствует принятая в ноябре 2001 г. Организацией Объединенных Наций Всеобщей декларация о культурном многообразии [15]. Культурное многообразие провозглашается достоянием всего человечества, подчеркивается неотделимость защиты культурного многообразия от защиты человеческого достоинства, что делает данную декларацию рядоположенной с Всеобщей декларацией прав человека.

Избежать унификации культур в условиях глобализации возможно через политику мультикультурализма, которая ориентирована на сохранение разнообразия культур без их ассимиляции и призвана решить задачу воспитания толерантной личности, способной понимать многогранность социального мира и уважать ценности различных культур [16, с. 34—38]. В последние годы концепция мультикультурализма подвергается критике. Основой для критического обобщения служат отдельные факты возрождения архаических моментов традиционных культур, а также противопоставление мозаичных

сообществ целостности гражданского общества.

Однако очевидно, что в многонациональных и многоконфессиональных государствах гражданам должны быть предоставлены равные права и равные возможности, поэтому здесь вряд ли можно обойтись без политики мультикультурализма.

Низами Гянджеви в поэме «Семь красавиц» красочно показывает самоценность каждой культуры в образах представительниц семи народов: *Шах открыл и стал на месте — сильно изумлен;/ Будто бы сокровищницу там увидел он, / Дивной живописью взоры привлекал покой. / Сам Симнар его украсил вещью рукой. / Как живые, семь красавиц смотрят со стены. / Как зовут, под каждой надпись, из какой страны* [1, Т. 2: Семь красавиц, с. 363]. Поэт тонченно раскрывает потаенную мудрость, пронизывающую культуру каждого народа, посредством поучительных рассказов красавиц, просвещающих шаха Бахрама.

Каким должно быть счастливое общество? В Европе в XVI — XVII веках появились социальные утопии Томаса Мора, Томмазо Кампанеллы, Фрэнсиса Бэкона, в которых уделялось внимание возможным основам социальной гармонии. Но за четыре столетия до Нового времени в поэме «Искандер-наме» Низами Гянджеви с прозорливостью великого художника изобразил общество, где нет голода и нищеты, где люди, свободные от гнета и насилия, живут счастливо до глубокой старости.

Низами поэтически описал необходимые предпосылки счастливого общества. В центре здесь идея диктатуры закона: почитание законов равно обязательно и для повелителя, и для подданных (по существу, это предтеча идей правового государства). В таком обществе перепоручение власти подчиненным не снимает с правителя ответственности за беззаконие, творящееся в стране. И что не менее важно: в поэме пристальное внимание уделено личности правителя (по существу,

поставлен вопрос о роли личности в истории).

Представления Низами о происхождении государства аналогичны воззрениям Платона и Аристотеля. Однако, соглашаясь с божественной концепцией появления государства, выработанной античными авторами, Низами особо подчеркивает существенную роль человеческих качеств в управлении государством. Он воссоздает идеальное государство как форму организации бесклассового общества, где люди свободны и равны.

Низами поясняет нетривиальность государственного управления, которое требует высоких нравственных качеств правителя, умелой внешней политики, позволяющей избежать войны; требует разумного хозяйствования как фактора, обуславливающего отсутствие бедности и нищеты. Главное — правитель должен быть справедливым, считает Низами: *Справедливость — лампада. Лампады пугается тень. / Пусть же с завтрашним днем будет дружен сегодняшний день!* [1, Т. 1: Сокровищница тайн, с. 264].

Идея о том, что справедливый правитель всегда будет пользоваться поддержкой своего народа, организует картину утопического государства, жители которого, обращаясь к главному герою поэмы Искандеру, говорят: *Мы имуществом нашим друг другу равны. / Равномерно богатства всем нам вручены. / В этой жизни мы все одинаково значим. / И у нас не смеются над чьим-либо плачем.... / И хранят небеса наше каждое чадо* [1, Т. 3: Искендер-наме, с. 648]. И Искандер мечтает таким же образом устроить жизнь в своем великом царстве.

Может ли жизнь быть вечной на Земле, или об устойчивом развитии. В наше время к извечным философским темам бытия, сознания, смысла жизни и другим добавилась принципиально новая тема единой судьбы человечества и сохранения жизни на Земле. Данная тема, начиная со второй половины XX века, встала в центре внимания мировой общественности [17]. Это инициировало

создание Концепции перехода человечества к устойчивому развитию, принятой Организацией Объединенных Наций в 1992 году. Тенденция исторического развития такова, что люди должны повернуться лицом к реалиям природной и социальной среды, развертывать деятельность, принимая за основу экологически ориентированное мировоззрение, новую, универсальную этику.

В этом отношении заслуживают внимания идеи Низами Гянджеви о необходимости гармоничной взаимосвязи человека, общества и природы. В «Сокровищнице тайн», например, обосновывается мысль о том, что природа и человек — это *единый организм*. Человек должен заботиться о животных, растениях, о чистоте источников. Примечательно в этом отношении повествование о царе Фаридуне, который преследовал газель, но не мог ее догнать. Мотив единого организма иллюстрируется «речью» царского коня: нельзя убивать божью тварь, тогда ты убьешь в себе чувство красоты и свою духовную сущность...

Говоря словами Низами Гянджеви, чтобы устойчивое развитие было возможно, следует: *Так внимательно черпать из чаши природы, / Чтоб недвижимыми были подвижные воды* [1, Т. 3: Искендер-наме, с. 642].

Список источников:

1. Низами Гянджеви. Собрание сочинений: в 3 т.: 1) Т. 1: Сокровищница тайн; 2) Т. 1: Хосров и Ширин; 3) Т. 3: Искендер-наме; 4) Т. 1: Труден путь, и черен мир вокруг...; 5) Т. 2: Лейли и Меджнун; 6) Т. 2: Семь красавиц. Баку: Азернешр, 1991.
2. Тайлор Э.Б. Первобытная культура. М.: Политиздат, 1989. 572 с.
3. Оруджев З.М. Способ мышления эпохи: философия прошлого. М.: УРСС, 2004. 399 с.
4. Крымский А.Е. Низами и его современники. Баку: Элм, 1981.
5. Уотт М. Влияние ислама на средневековую Европу. М.: Диля, 2008.
6. Трубецкой Н. С. О туранском элементе в русской культуре // Россия между Европой и Азией:

Евразийский соблазн: антология. М.: Наука, 1993. 367 с.

7. Реклю Э. Ж. Ж. Человек и Земля: в 6 т. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1906—1909. Т. 3.

8. Воробьев В., Щелкачев А. Вера и естественнонаучное знание [Электронный ресурс]. Цитата: М.В. Ломоносов // БОГОСЛОВ.RU: науч. богословский портал. URL: <https://bogoslov.ru/article/2795995> (дата обращения 10.03.2022).

9. Мамедов Н.М. Доверие — капитал и основа партнерства // Государственная служба, 2015. № 5(97). С. 10—14.

10. Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология, 2002. Т.3. № 5. С. 60—74.

11. Кант И. Основоположения метафизики нравов // Собрание сочинений: в 8 т. Т. 4. М.: ЧОРО, 1994.

12. Фейербах Л. Сущность христианства // Избранные философские произведения: в 2 т. Т. 2. М.: Политическая литература, 1955.

13. Мамедов Н. М. Гуманистическая ориентация истории: иллюзия или реальность // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2018. № 4(20). С. 61—68.

14. Бокова И. Новый гуманизм в XXI веке / ЮНЕСКО, 2010. URL: <http://partner-unitwin.net/wp-content/uploads/2016/06/НОВЫЙ-ГУМАНИЗМ-1.pdf> (дата обращения 10.03.2022).

15. Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии // ООН: официальный сайт. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/cultural_diversity.shtml (дата обращения 10.03.2022).

16. Мамедова Н. М. Новый стиль культуронаследования // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. 2015. № 215(5). С. 34—38.

17. Философия и экологическая проблема. М: ФО СССР, 1990. 313 с.

Информация об авторе

Н.М. Мамедов — доктор философских наук, действительный член Российской академии естественных наук и Российской экологической академии, эксперт ЮНЕСКО, профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (119571, г. Москва, пр. Вернадского, 82).

Information about the authors

N. M. Mamedov — Doctor of Philosophy, Full Member of the Russian Academy of Natural Sciences and the Russian Ecological Academy, UNESCO expert, Professor of the Russian Academy of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82 Vernadsky Prospekt, Moscow, 119571).

Статья поступила в редакцию 09.12.2021.

The article was submitted 09.12.2021.